

СЕМЬЯ – МАЛАЯ ЦЕРКОВЬ

Всем известно, какие проблемы возникают, когда два человека, он и она, вступают в совместную жизнь. Одна из них, нередко приобретающая острые формы, – это отношения супругов, касающиеся их прав и обязанностей.

И в древности, и даже в не столь отдалённые времена женщина в семье находилась на положении рабыни, в полном подчинении у отца или мужа и ни о каком равенстве, ни каком равноправии не было и речи. Само собой разумеющейся была традиция полного подчинения старшему мужчине в семье. Какие формы приобретало оно, зависело от главы семьи.

В последние два столетия, особенно в настоящее время, в связи с развитием идей демократии, эмансипации, равенства женщин и мужчин и их равноправия, всё сильнее проявляет себя другая крайность: женщину нередко уже не удовлетворяет равенство и равноправие, и она, к сожалению, начинает борьбу за доминирующее положение в семье.

А как правильнее, что лучше? Какая модель разумней с христианской точки зрения? Наиболее взвешенный ответ: ни та, ни другая – обе нехороши, пока выступают с позиции силы. Православие предлагает третий вариант, и он действительно необычен: такого понимания этого вопроса прежде не было, да и не могло быть.

Мы часто не придаём должного значения тем словам, которые встречаем в Новом Завете: в Евангелии, в апостольских посланиях. А там содержится мысль, которая совершенно изменяет взгляд на брак и по сравнению с тем, что было, и по сравнению с тем, что стало. Лучше объяснить это на примере.

Что представляет собой автомобиль? В каком соотношении между собой находятся его детали? Их множество, из них он собирается – автомобиль есть не что иное, как только совокупность частей, правильно соединённых в одно целое. Поэтому его можно разобрать, разложить по полочкам, заменить любую деталь.

А человек – то же самое или что-то иное? Ведь он тоже, кажется, имеет множество «деталей» – членов и органов, так же закономерно, гармонично согласованных в его теле. Но, тем не менее, понимаем, что тело это не то, что можно составить из рук, ног, головы и так далее, оно образовано не путём соединения соответствующих органов и членов, а является единым и неделимым организмом, живущим одной жизнью.

Так вот, христианство утверждает, что брак – это не просто соединение двух «деталей» – мужчины и женщины, с тем, чтобы получился новый «автомобиль». Брак – это новое живое тело, такое взаимодействие мужа и жены, которое осуществляется в сознательной взаимозависимости и разумном взаимоподчинении. Он – не какая-то деспотия, в которой жена должна подчиниться мужу или муж стать рабом жены. С другой стороны, брак – и не то равноправие, при котором не разберёшься, кто прав, а кто виноват, кто

кого должен слушаться, когда каждый настаивает на своём – а что дальше? Ссоры, упрёки, разногласия, и всё это – долго ли, скоро ли – приводит часто к полной катастрофе: распаду семьи. И какими переживаниями, страданиями и бедами это сопровождается!

Да, супруги должны быть равны. Но равенство и равноправие – это совсем разные понятия, смешение которых грозит бедой не только семье, но и любому обществу. Так, генерал и солдат как граждане, конечно, равны перед законом, но они обладают разными правами. В случае же их равноправия армия превратится в хаотическое сборище, ни к чему неспособное.

А какое же равноправие возможно в семье, чтобы при полном равенстве супругов сохранялось её целостное единство? Православие предлагает следующий ответ на этот жизненно важный вопрос.

Отношения между членами семьи, и в первую очередь между супругами, должны строиться не по правовому принципу, но по принципу организма. Каждый член семьи – это не отдельная горошина среди других, но живая часть единого организма, в котором, естественно, должна быть гармония, но которая невозможна там, где нет порядка, где анархия и хаос.

Хочется привести ещё один образ, помогающий раскрыть христианский взгляд на взаимоотношения супругов. У человека есть ум и есть сердце. И как под умом подразумевается не мозг, а способность мыслить, решать, так и под сердцем разумеется не орган, который качает кровь, но способность чувствовать, переживать, оживотворять всё тело.

Данный образ хорошо говорит об особенностях мужской и женской природах. Мужчина действительно больше живёт головой. «Рацио» является у него, как правило, первичным в жизни. Напротив, женщина руководствуется больше сердцем, чувством. Но как ум и сердце гармонично и неразрывно связаны между собой и оба необходимы человеку для жизни, так и в семье для её полноценного и здорового существования совершенно необходимо, чтобы муж и жена не противостояли, а взаимно дополняли друг друга, являясь, по существу, умом и сердцем единого тела. Оба «органа» равно необходимы для всего «организма» семьи и должны соотноситься между собой по принципу не подчинения, а взаимодополнения. В противном случае никакой нормальной семьи не будет.

Как этот образ можно применить к реальной жизни семьи? Вот, например, супруги спорят, покупать или нет какие-то вещи.

Она: «Я хочу, чтобы они были!»

Он: «Мы не можем сейчас позволить себе этого. обойдёмся без них!»

И начинается накал страстей. Что дальше? Разделение между умом и сердцем? Может, взять да разодрать живое тело на две части и бросить их по разным сторонам?

Христос говорит, что мужчина и женщина в браке *уже не двое, но одна плоть* (Мф. 19, 6). Апостол Павел очень наглядно объясняет, что означает это единство и целостность плоти: *Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к*

телу? И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу? Не может глаз сказать руке: ты мне не нужна; или также голова ногам: вы мне не нужны. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены (1 Кор. 12, 15.16.21.26).

Как мы относимся к собственному телу? Апостол Павел пишет: *Никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее* (Еф. 5, 29). Святитель Иоанн Златоуст говорит, что муж и жена подобны рукам и глазам. Когда руке больно, то плачут глаза. Когда глаза плачут – руки утирают слёзы.

Здесь и стоит вспомнить заповедь, которая изначально дана человечеству и подтверждена Иисусом Христом. Когда дело доходит до окончательного принятия решения, а обоюдного согласия нет, требуется, чтобы кто-то имел моральное, по совести, право последнего слова. И, естественно, это должен быть голос ума. Эта заповедь оправдывается самой жизнью. Мы ведь прекрасно знаем, как иногда чего-то очень хочется, а ум говорит: «Это нельзя, это опасно, это вредно». И мы, если подчинимся разуму, принимаем это. Так и сердце, говорит христианство, должно контролироваться умом. Понятно, о чём принципиально идёт речь – в конечном счёте, о приоритете голоса мужа.

Но и ум без сердца – это ужасно. Это великолепно показано в известном романе английской писательницы Мэри Шелли «Франкенштейн». В нём главный герой, Франкенштейн, изображён существом очень умным, но не имеющим сердца – не органа тела, а органа чувств, способного любить, проявлять милосердие, сочувствие, великодушие и т.д. Франкенштейн – это не человек, а робот, бесчувственный, мёртвый камень.

Однако и сердце без контроля ума неминуемо превращает жизнь в хаос. Стоит только представить себе свободу бесконтрольных влечений, желаний, чувств...

То есть единство мужа и жены должно осуществляться по образу взаимодействия ума и сердца в человеческом организме. Если ум здоров, он, как барометр, точно определяет направление наших влечений: в одних случаях одобряя, в других – отвергая, чтобы не погубить всё тело. Так мы устроены. Таким образом, муж, олицетворяющий ум, должен упорядочивать жизнь семьи (так в норме, а жизнь вносит свои коррективы, когда муж ведёт себя безумно).

Но как при этом муж должен относиться к жене? Христианство указывает на неизвестный до него принцип: жена – это **его** тело. А как относятся к своему телу? Собственное тело никто из нормальных людей не бьёт, не режет, не причиняет ему умышленно страданий. Это естественный закон жизни, который называется любовью. Когда мы едим, пьём, одеваемся, лечимся, то по какой причине это делаем – конечно, по любви к своему телу. И это естественно, так только можно жить. Столь же естественным должно быть и подобное отношение мужа к жене и жены к мужу.

Да, так должно быть. Но мы прекрасно помним русскую поговорку: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить». Что это за овраги, если применить эту поговорку к нашей теме? Овраги – это наши страсти. «Я хочу, а я не хочу» – и всё тут! И конец любви и разуму!

Какова общая картина бракосочетаний и разводов в наше время, всем более-менее известно. Статистика не просто печальная, а тяжёлая. Количество разводов таково, что уже угрожает жизни нации. Ведь семья – это семечко, клеточка, это основа, закваска общественной жизни. Если не будет нормальной семейной жизни, то во что превратится общество?!

Христианство обращает внимание человека на то, что первичной причиной разрушения брака являются наши страсти. Что значит страсти? О каких страстях речь? Слово «страсть» неоднозначно. Страсть – это страдание, но страсть – это и чувство. Это слово можно употребить и в положительном, и в отрицательном смысле. Ведь, с одной стороны, страстью можно назвать и возвышенную любовь. С другой – этим же словом можно назвать и самое безобразное порочное влечение.

Христианство призывает человека к тому, чтобы окончательное решение всех вопросов принималось разумом, а не безотчётным чувством или влечением, то есть страстью. А это ставит перед человеком очень непростую задачу необходимости борьбы со стихийной, страстной, эгоистической стороной своей природы – фактически с самим собой, потому что наши страсти, наши чувственные влечения являются существенной частью нашей природы.

Что же может победить их, чтобы стать твёрдым основанием семьи? Все, наверное, согласятся, что такой могущественной силой может быть только любовь. Но что это такое, о чём идёт речь?

Можно говорить о нескольких видах любви. Применительно к нашей теме остановимся на двух из них. Одна любовь – это та самая, о которой постоянно говорят в телепередачах, пишут книги, снимают кино и т.д. Это взаимное влечение мужчины и женщины друг к другу, которое можно назвать скорее влюблённостью, чем любовью.

Но и в самом этом влечении есть градация – от низшей до высшей точки. Это влечение может принимать и низменный, отвратительный характер, но оно может быть и по-человечески возвышенным, светлым, романтическим чувством. Однако даже самое светлое выражение этого влечения есть не что иное, как следствие врождённого инстинкта продолжения жизни, и он присущ всему живому. Повсюду на земле всё летающее, ползающее, бегающее имеет этот инстинкт. В том числе и человек. Да, на низшем, животном, уровне своей природы человек тоже подчинён этому инстинкту. И он действует в человеке без вызова его разума. Не разум является источником взаимного влечения мужчины и женщины, а природный инстинкт. Разум может только отчасти контролировать это влечение: или останавливать усилием воли, или давать ему «зелёный свет». Но любви, как личного акта, обусловленного волевым решением, по-

существо, в этом влечении ещё нет. Это стихия, независимая от разума и воли, как и чувство голода, холода и т.д.

Романтическая любовь – влюблённость – может неожиданно вспыхнуть и столь же внезапно погаснуть. Пожалуй, почти все люди переживали чувство влюблённости, а многие и не один раз – и помнят, как оно вспыхивало и угасало. Бывает и хуже: сегодня любовь, казалось бы, навек, а завтра – уже ненависть друг к другу. Правильно сказано, что от любви (от *такой* любви) до ненависти – один шаг. Инстинкт – и ничего более. И если человек при создании семьи движим только им, если он не придёт к любви, о которой учит христианство, то его семейным отношениям грозит, скорее всего, печальная участь.

Слыша «учит христианство», не должно думать, что речь идёт о каком-то своём понимании любви в христианстве. Христианство в данном вопросе не придумало чего-то нового, но лишь открыло то, что является изначальной нормой человеческой жизни. Точно так же, как не Ньютон же, например, создал закон всемирного тяготения. Он только открыл, сформулировал и обнародовал его – только и всего. Так и христианство предлагает не какое-то собственное специфическое понимание любви, но открывает лишь то, что присуще человеку по самой его природе. Заповеди, данные Христом, это не придуманные Им юридические законы для людей, но естественные законы нашей жизни, искажённые бесконтрольной стихийной жизнью человека, и вновь открытые, чтобы мы могли вести правильную жизнь, а не вредить себе.

Христианство учит, что Бог есть источник всего существующего. В этом смысле Он первичный Закон всего Бытия, и этот Закон есть Любовь. Следовательно, только следуя этому Закону, человек, созданный по образу Божию, может нормально существовать и иметь полноту всякого блага.

Но о какой любви идёт речь? Конечно, совсем не о той любви-влюблённости, любви-страсти, о которой слышим, читаем, которую видим на экранах и планшетах. Но о той, о которой сообщает Евангелие, и о которой уже подробно писали святые отцы – эти опытейшие психологи человечества.

Они говорят, что обычная человеческая любовь – это, как заметил священник Павел Флоренский, – лишь *«переодетый эгоизм»*, то есть я люблю тебя ровно до тех пор, пока ты меня любишь, доставляешь мне удовольствие, в противном случае – до свидания. А что такое эгоизм, всем известно. Это состояние человека, которое требует постоянного угождения моему «я», его явному и неявному требованию: всё и все должны служить мне.

Согласно святоотеческому учению, обычная человеческая любовь, благодаря которой заключается брак и создаётся семья, – лишь слабая тень настоящей любви. Той, которая может оживотворить всю жизнь человека. Но она возможна только на пути преодоления своего эгоизма, себялюбия. Это предполагает борьбу с рабством своим страстям – зависти, тщеславию, гордыне, нетерпению, раздражению, осуждению, гневу... Потому что любая такая греховная страсть, в конечном счёте, приводит к охлаждению и

уничтожению любви, так как страсти являются *противозаконным, противоестественным*, как выражались святые отцы, состоянием для души человека, разрушающим, калечащим её, извращающим её природу.

Любовь, о которой говорит христианство, – не случайное и независимо от человека возникающее мимолётное чувство, а состояние, приобретаемое сознательным трудом над освобождением себя, своего ума, сердца и тела от всякой душевной грязи, то есть страстей. Великий святой VII столетия преподобный Исаак Сирийский писал: *«Нет способа возбудиться в душе Божественной любви... если она не препобедила страстей. Ты же сказал, что душа твоя не препобедила страстей и возлюбила любовь к Богу; и в этом нет порядка. Кто говорит, что не препобедил страстей и возлюбил любовь к Богу, о том не знаю, что он говорит. Но скажешь: не говорил я “люблю”, но “возлюбил любовь”. И это не имеет места, если душа не достигла чистоты. Если же хочешь сказать это только для слова, то не ты один говоришь, но и всякий говорит, что желает любить Бога... И слово это всякий произносит, как свое собственное, однако же, при произнесении таких слов движется только язык, душа же не ощущает, что говорит»*¹. Это – один из важнейших законов человеческой жизни.

Перед человеком открыта перспектива достижения величайшего для него и всех его окружающих блага – истинной любви. Ведь даже в области обычной человеческой жизни нет ничего выше и прекрасней любви! Это тем более важно, когда речь идёт о приобретении богоподобной любви, которая обретается по мере успехов в борьбе со своими страстями. Это можно сравнить с лечением искалеченного человека. По мере исцеления одной раны за другой ему становится всё лучше, всё легче, он становится всё более здоровым. И когда выздоровеет – то не для него большей радости. Если телесное выздоровление – такое большое благо для человека, то что можно сказать об исцелении его бессмертной души!

Но в чём же, с христианской точки зрения, состоит задача брака и семьи? У святителя Иоанна Златоуста христианская семья называется *малой церковью*. Понятно, что под церковью в данном случае подразумевается не храм, а образ того, о чём писал апостол Павел: *Церковь есть тело Христово* (Кол. 1: 24). А в чём заключается основная задача Церкви в наших земных условиях? Церковь – это не курорт, Церковь – больница. То есть её первостепенная задача – исцелять человека от страстных болезней и греховных ран, которыми охвачено всё человечество. Исцелять, а не просто утешать.

Но многие люди, не понимая этого, ищут в Церкви не исцеления, а *лишь* утешения в своих скорбях. Однако Церковь это больница, имеющая в своём распоряжении необходимые лекарства от душевных ран человека, а не просто болеутоляющие средства, которые дают временное облегчение, но не исцеляют, а оставляют болезнь в полной силе. В этом её отличие от всякой психотерапии и всех подобных средств.

¹ Исаак Сирийский, св. Слова подвижнические. М. 1858. Сл. 55.

И вот, для подавляющего большинства людей лучшим средством или, можно сказать, лучшей больницей для исцеления души является семья. В семье соприкасаются два «эго», два «я», а когда подрастают дети, уже не два, а три, четыре, пять – и каждый со своими страстями, греховными наклонностями, эгоизмом. В этой ситуации человек становится перед лицом самой великой и трудной задачи – увидеть свои страсти, своё эго и трудности победить их. Этот подвиг семейной жизни при правильном взгляде на него и внимательном отношении к тому, что происходит в душе, не только смиряет человека, но и делает его великодушным, терпимым, снисходительным по отношению к другим членам семьи, что приносит реальное благо всем не только в этой жизни, но и вечной.

Ведь пока мы живём в покое от семейных проблем и забот, без необходимости ежедневно выстраивать отношения с другими членами семьи, не так-то просто бывает разглядеть свои страсти – они словно где-то таятся. В семье же происходит постоянное соприкосновение друг с другом, страсти проявляют себя, можно сказать, ежеминутно, так что нетрудно увидеть, кто мы есть на самом деле, что в нас живёт: и раздражение, и осуждение, и лень, и эгоизм. Поэтому семья для разумного человека может стать настоящей больницей, в которой и открываются наши духовные и душевные болезни, и, при евангельском отношении к ним, реальный процесс исцеления. Из гордеца, самохвала, лентяя постепенно вырастает христианин не по имени, а по состоянию, который начинает видеть себя, свои духовные болезни, страсти и смиряется в себе, перед Богом - становится нормальным человеком. Без семьи труднее придти к этому состоянию, особенно, когда человек живёт один и никто не задевает его страстей. Ему очень легко увидеть себя вполне хорошим, приличным человеком, христианином.

Семья, при правильном, христианском взгляде на себя, позволяет человеку увидеть, что он весь словно с обнажёнными нервами: с какой стороны ни прикоснись – боль. Семья ставит человеку точный диагноз. А дальше – лечиться или нет – он должен решить сам. Ведь самое ужасное, когда больной не видит болезни или не хочет признавать, что он серьёзно болен. Семья вскрывает наши болезни.

Мы все говорим: Христос пострадал за нас и тем самым спас каждого из нас, Он – наш Спаситель. А на деле мало кто чувствует это и чувствует нужду в спасении. В семье по мере того, как человек начинает видеть свои страсти, ему открывается, что, прежде всего, именно он нуждается в Спасителе, а не его родные или соседи. Это и является началом решения самой важной в жизни задачи – приобретения истинной любви. Человек, видящий, как он постоянно оступается и падает, начинает понимать, что сам, без помощи Божьей исправить себя не может.

Кажется, пытаюсь исправиться, хочу этого, уже и понимаю, что если не бороться со своими страстями, то во что же превратится жизнь! Но при всех попытках стать чище вижу, что каждая попытка заканчивается провалом. Тогда только начинаю по настоящему сознавать, что мне нужна помощь. И, как верующий человек, обращаюсь к Христу. И по мере сознания своей

слабости, по мере смирения и обращения к Богу с молитвой начинаю постепенно видеть, как Он действительно мне помогает. Осознавая это уже не в теории, а на практике, самой своей жизнью, начинаю познавать Христа, обращаться к Нему за помощью с ещё более искренней молитвой не о разных земных делах, но об исцелении души от страстей: «Господи, прости меня и помоги мне исцелиться, сам я исцелить себя не могу».

Опыт не одного человека, не ста, не тысячи, а огромного множества христиан показал, что искреннее покаяние, сопряжённое с понуждением себя к исполнению заповедей Христовых, приводит к познанию себя, неспособности искоренения страстей и очиститься от постоянно возникающих грехов. Это осознание на языке православной аскетики называется *смирением*. И лишь по мере смирения Господь помогает человеку освобождаться от страстей и приобретать то, что является действительной любовью ко всем, а не мимолётным чувством к какому-то отдельному человеку.

Семья в этом отношении является благом для человека. В условиях семейной жизни большинству людей намного легче прийти к самопознанию, которое становится основанием для искреннего обращения к Христу-Спасителю. Обретя через самопознание и молитвенное обращение к Нему смирение, человек тем самым обретает в своей душе мир. Это мирное состояние души не может не распространяться и вовне. Тогда и в семье может возникнуть прочный мир, которым семья будет жить. Только на этом пути семья становится малой церковью, становится лечебницей, подающей лекарства, которые в итоге приводят к высочайшему благу – и земному, и небесному: твёрдой, неискоренимой любви.

Но, конечно, далеко не всегда это достигается. Часто семейная жизнь становится невыносимой, и для верующего человека возникает важный вопрос: при каком условии расторжение брака не станет грехом?

В Церкви существуют соответствующие церковные каноны, которые регулируют брачные отношения и, в частности, говорят о том, по каким причинам допустим развод. По этому вопросу есть целый ряд церковных правил и документов. Последний из них, принятый на Архиерейском Соборе в 2000 году под названием «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», даёт перечень допустимых причин для развода.

«В 1918 году Поместный Собор Русской Церкви в определении о поводах расторжения брачного союза, освящённого Церковью, признал в качестве таковых, кроме прелюбодеяния и вступления одной из сторон в новый брак, также следующее:

Противоестественные пороки [оставляю без комментариев];

Неспособность к брачному сожитию, наступившую до брака или явившуюся следствием намеренного самокалечения;

Заболевание проказой или сифилисом;

Длительное безвестное отсутствие;

Осуждение к наказанию, соединённому с лишением всех прав состояния;

Посягательство на жизнь или здоровье супруги либо детей [и, конечно, не только супруги, но и супруга];

Снохачество или сводничество;

Извлечение выгод из непотребств супруга;

Неизлечимую тяжкую душевную болезнь;

Злонамеренное оставление одного супруга другим».

В «Основах социальной концепции» этот перечень дополняется такими причинами, как заболевание СПИДом, медицински засвидетельствованные хронический алкоголизм или наркомания, совершение женой аборта при несогласии мужа.

Однако все эти основания для развода нельзя рассматривать как необходимые требования. Они – только допущение, возможность для расторжения брака, окончательное же решение всегда остаётся за самим человеком.

А какие возможности вступления в брак с человеком другой веры или вообще с неверующим? В «Основах социальной концепции» такой брак, хотя и не рекомендуется, но и не запрещается безусловно. Такой брак является законным, поскольку заповедь о браке дана Богом изначально, с самого сотворения человека, и брак существовал и существует всегда и во всех народах, независимо от их религиозной принадлежности. Однако такой брак не может быть освящён Православной Церковью в таинстве Венчания.

Чего лишается в таком случае нехристианин? И что даёт человеку церковный брак? Можно привести самый простой пример. Вот две пары вступают в брак и получают квартиры. Но одним из них предлагается всяческая помощь в обустройстве, а другим говорят: «Извините, мы вам предлагали, но вы не поверили и отказались...».

Поэтому, хотя любой брак, но, конечно, не так называемый гражданский брак, является законным, только верующим в таинстве Венчания подаётся благодатный дар помощи в совместной христианской жизни, воспитании детей, устройстве семьи как малой церкви.